

УДК 343.9(476)

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Ю.И. СЕЛЯТЫЦКИЙ

(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Рассматриваются предпосылки формирования концепции общесоциального предупреждения преступности молодежи, что представляется важнейшим направлением предупреждения преступности в целом. Комплекс мер общесоциального уровня является основным фундаментом создания предпосылок для успешной борьбы с этим антиобщественным явлением. История развития теоретических воззрений и законодательства в этой области представляет особый научный и практический интерес.

Введение. Современное состояние преступности среди молодежи позволяет говорить о перспективах совершенствования системы предупредительных мер. Одно из наиболее гуманных направлений воздействия на преступность молодежи – общесоциальное предупреждение, которое включает в себя меры экономического, политического, правового, социокультурного характера, направленные на совершенствование уклада жизни общества. При этом они осуществляются в государстве не с целью непосредственного предупреждения преступлений, а посредством решения задач в экономической, социальной, духовно-нравственной сферах, что в свою очередь предполагает устранение негативных явлений и влияет на уровень преступности [1; 2].

Исследовательская часть. Важнейшим критерием, характеризующим результативность общесоциального предупреждения, является способность государства и его институтов удерживать молодежь от конфликта с законом и разумно организовать защиту молодого поколения от криминогенных угроз. В каждом государстве во все времена правящая элита пыталась найти пути, следуя которым молодая, неокрепшая в моральном и мировоззренческом плане личность смогла бы в перспективе реализовать себя и тем самым принести максимальное благо обществу, а не стать его «обузой». В связи с этим представляет особый научный и практический интерес история развития теоретических воззрений и законодательства в отношении лиц молодежного возраста в процессе их воспитания, образования, социализации и предупреждения совершения ими преступлений.

Так, Конфуций (551 до н. э. – 479 до н. э.) считал, что каждый человек должен, по возможности, учиться и нравственно совершенствоваться. Правители обязаны воспитывать и обучать народ, призывать его учиться у совершенных людей. Он развил теорию воспитания подданных примером правителя, а также теорию семейного воспитания, основанного на беспрекословном подчинении младших членов семейства старшим [3]. Платон (428 или 427 – 348 или 347 до н.э.) отмечал: «только через воспитание может все государственное устройство найти верную точку отправления и будет расти подобно кругу, так как от совершенных натур будут рождаемы и воспитываемы еще совершеннейшие» [4, с. 100]. Сократ (около 469 – 399 до н.э.) руководствовался убеждением, что основательное улучшение общества зависит от хорошего воспитания юношества [4]. По мнению Аристотеля (384 – 322 до н.э.), «законодатель всего больше должен заботиться о воспитании юношества, потому, что от невнимания к этому делу страдает само политическое устройство государства... Воспитание всех граждан, очевидно, должно быть одно, следовательно, оно должно быть делом общественным, а не частным, как это бывает теперь, когда каждый по своему заботится о своих детях, уча их чему вздумается» [4, с. 115].

В средние века важную роль в создании новой идеологии обучения и воспитания сыграл Фома Аквинский (1225/26 – 1274). Он пытался соединить светское знание и христианскую веру, поставив во главу угла постулаты религии. Его сочинения служили источником изучения богословия в Средневековой школе [4]. В это же время на территории Руси (X – XIII вв.) также формировались подходы к воспитанию и образованию. Педагогическая мысль и школа Древней Руси зародились при воздействии славянской языческой традиции и восточного христианства, при этом сохранив свою самобытность, которая выражалась в том, что языком богослужения, литературы и обучения оказался свой славянский язык со славянским алфавитом. В качестве примера следует рассматривать «Поучение Владимира Мономаха детям» (1096 г.), в основу которого положено воспитание любви к Богу, строгое выполнение церковных обрядов, почитание старших. Главным способом воспитания объявлялось подражание детей отцу, он же был наивысшим авторитетом для детей: «Старья чти яко отца». Главным очагом воспитания и обучения была семья [5].

Эпоха позднего Европейского Средневековья (XIV – XVII вв.), прошедшая под знаком гуманистических идей Возрождения, стала очередным этапом прогрессивного развития педагогической мысли в мировой истории. Лучшие умы Европы этого времени Л. Альберти (1404 – 1472), Витторино де Фельтре

(1378 – 1446), Томазо Кампанелла (1568 – 1639), Франсуа Рабле (1494 – 1553), Томас Мор (1478 – 1533) провозглашали главной ценностью на земле человека, стремясь раскрыть в нем все лучшее. Гуманисты, стремясь подражать народам Древней Греции и Рима, называли свое время «Эпохой возрождения» – восстановление античных традиций. Гуманистов привлекали свобода, выразительность, красота классической литературы. Именно литература превращается в источник идеалов воспитания. В классическом наследии стремились черпать то, что было утеряно: традицию воспитания физически и эстетически развитого человека, способного на самостоятельные и полезные обществу действия [5; 6].

Элементы новых социальных отношений, иных подходов к человеку, к воспитанию и обучению зарождались в недрах феодализма в период с XIV по XVII век, в преддверии Нового времени постепенно осуществлялся переход от богословско-религиозных взглядов к светским. XVII столетие было временем рационализма и индивидуализма, выразившихся в соответствующем осмыслении природы человека и воспитания. Новый взгляд на природу и человека с особой силой выразил французский философ Рене Декарт (1596 – 1650 гг.). Он считал, что в процессе воспитания необходимо одолеваять издержки детского воображения, при котором предметы и явления видятся не такими, какие они есть на самом деле. Среди педагогов начала Нового времени особое место принадлежит Яну Амосу Коменскому (1592 – 1670 гг.). Его можно по праву назвать отцом современной педагогики. Он одним из первых попытался отыскать и привести в систему объективные закономерности воспитания и обучения, решить вопросы, на которые не смогла дать ответа прежняя педагогика. В своем наиболее крупном педагогическом сочинении «Великая дидактика» он рассмотрел вопросы не только обучения, но и воспитания (умственного, физического, эстетического), школоведения, педагогической психологии, семейного воспитания [4].

Педагогическая мысль эпохи Просвещения приняла эстафету Возрождения и поднялась на новую ступень. Педагогические идеи Просвещения были развиты плеядой мыслителей: в Англии – Дж. Мильтоном (1608 – 1674), У. Петти (1623 – 1687), Дж. Локком (1632 – 1704), Т. Пейном (1737 – 1809), Дж. Пристли (1733 – 1804); в Северной Америке – Т. Джефферсоном (1743 – 1826), Дж. Вашингтоном (1732 – 1799), Б. Франклином (1706 – 1790); в Германии – И.Г. Фихте (1762 – 1814), Ф.А. Вольфом (1759 – 1824), В. Гумбольдом (1767 – 1835) и др. [4 – 7].

Франция занимала особое место в продвижении идей Просвещения. Предшественниками этого движения во французской педагогике были, прежде всего, Ф. Фенелон (1651 – 1715) и Ш. Роллен (1661 – 1741). Фенелон – один из первых педагогов Нового времени, кто оставил систематические размышления о женском образовании – трактат «Воспитание девиц». Он полагал, что «дурное воспитание женщины более вредит общественному развитию, нежели дурное воспитание мужчины, так как женщина по преимуществу является носительницей религиозно-нравственных идей, и потому она прежде всего призвана к тому, чтобы сообщать жизни идеальное направление. Воспитание женщины, и именно – облагораживание женского сердца, является самой первой важностью для прогресса всего общества» [4, с. 504].

Французские просветители признавали решающую роль воспитания и образования в становлении личности и ее судьбе. Вот почему, например, Дени Дидро (1713 – 1784) утверждал, что если предоставить сыну расти так, «как растет трава», то, «когда этот маленький дикарь вырастет..., к ребячьей глупости прибавятся буйные страсти 30-летнего мужчины» [7, с. 16], как нам представляется, в форме криминального поведения. Франсуа Вольтер (1694 – 1778) считал, что человек «всцело определяется воспитанием, примерами, правительством, под власть которого он попадает, наконец, случаем, что направляет его либо в сторону добродетели, либо в сторону преступления» [8, с. 59].

В XVIII – XIX веках включились в общеевропейскую полемику о воспитании и русские просветители. При этом они высказывали свои оригинальные суждения и поддерживали различные точки зрения. Так, идею свободного развития личности в своих сочинениях проводили Е.Р. Дашкова, В.В. Крестин, М.М. Снегирев. В воспитании Н.И. Новиков определял несколько главных направлений: телесное (физическое), нравственное и умственное. По его мнению, подобное воспитание должно было содействовать формированию человека и гражданина. Мыслитель А.Н. Радищев настаивал прежде всего на гражданском воспитании, на формировании «сынов отечества». Сторонники развития страны по западноевропейскому пути, так называемые западники (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, В.Ф. Одоевский, П.Ф. Редкин и др.), горячо приветствовали западно-европейскую образованность, возмущались сословно-крепостническими традициями воспитания и обучения, защищали права личности на самореализацию. Они рассматривали решение вопросов воспитания как неотложную необходимость. Славянофилы (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев) исходили из убеждения о самобытности исторического пути русского народа. Основой народного, национального воспитания они считали религиозность, нравственность и любовь к ближнему. К идеям «свободного воспитания» склонялся Д.И. Писарев; в трудах Н.И. Пирогова особое место занимают идеи самопознания посредством воспитания и общечеловеческого воспитания, общечеловеческого образования. Среди тех, кто во второй половине XIX века занимался вопросами образования и воспитания подрастающего поколения, особая роль принадлежит Л.Н. Толстому,

главное в его педагогической концепции – идея «свободного воспитания». Он утверждал, что воспитание – это саморазвитие. Задача воспитателей – оберегать гармонию, которой человек обладает от рождения [5; 9; 10].

Рассматривая развитие социально-педагогической мысли Беларуси, необходимо отметить сложность ее социально-политического положения, так как практически до 1917 года страна не имела самостоятельности и находилась в зависимости то от Речи Посполитой, то от России. Тем не менее среди представителей белорусского народа было много выдающихся деятелей, которые уделяли огромное внимание вопросам развития человека, образования и в том числе воспитания.

В XII веке Ефросиния Полоцкая основала женский монастырь, занималась перепиской книг. Кирилл Туровский (около 1113 г. – после 1190 г.) видел путь к моральному самосовершенствованию и духовному развитию личности через чтение книг. Франциск Скорина (1490 – 1541) стоял у истоков белорусского гуманистического и реформаторского движения. Цель своей деятельности он видел в том, чтобы помочь людям познать мудрость и науку, и чтобы, научившись мудрости, они хорошо жили на этом свете. Целью воспитания считал нравственное совершенствование человека, а в качестве источника этого процесса рассматривал религию. Белорусско-польский поэт и просветитель эпохи Возрождения Николай Гусовский (1480 – 1533) обращал внимание на необходимость патриотического воспитания. По его мнению, человек должен быть предан своей родной земле и заботиться о ее благе, при этом важным фактором в решении воспитательно-образовательных задач считал природу с ее национальным колоритом. Симеон Полоцкий (1629 – 1680) в своих проповедях и стихах акцентировал внимание на необходимости организации целенаправленного воспитательного процесса. Через образование и воспитание предлагал решать все социальные проблемы общества. Подчеркивал огромную роль родителей, учителей в воспитании и обучении подрастающего поколения. Затрагивал вопросы влияния образа жизни родителей и их подготовленности к воспитанию детей. Григорий (Георгий) Конисский (1717 – 1795) целью воспитания считал воспитание деятельностного человека, который способен приносить пользу народу и государству. Франциск Богусевич (1840 – 1900) выступал за образование народа, в том числе на родном языке, и отмечал, что необходимо заботиться о воспитании и формировании характера ребенка. Важными составляющими считал воспитание у человека любви к Родине, уважения к труженику. Осуждал пьянство, суеверие, жадность [6; 11 – 13].

Безусловно, не будет полной и достоверной картина, если параллельно с некоторыми теоретическими воззрениями на воспитание молодежи как одними из важных элементов формирования законопослушной личности мы не покажем развитие законодательства, регулирующего правоотношения в этой части, в котором, как правило, отражаются идеи, взгляды, мнения, научные представления на эту проблему. Между тем несовершенство и медленное формирование законодательной техники, широкое использование обычного права не позволяют нам найти в памятниках права и более поздних нормативных актах прямых ссылок на молодежную преступность и ее предупреждение, однако анализ норм уголовного, гражданского, имущественного, наследственного, семейного, избирательного права и др. позволит показать отношение к молодому поколению в общем и его противоправным поступкам в частности.

Одним из первых материальных свидетельств писаных законов стал найденный в Древнем Китае бронзовый треножник с текстом «Обзрения законов», относящийся к 536 году до н.э. Его основой было понятие «у син» – пять видов наказаний за преступления: клеймение, отрезание носа, отрубание одной или обеих ног, кастрация и смертная казнь, которые, надо полагать, применялись и в отношении лиц молодежного возраста.

На рубеже V – IV веков до н.э. появился один из первых сводов законов «Книга законов царства Вэй», составленная Ли Фуем на основе правовых положений, принятых в отдельных княжествах и по традиции считающихся законами предков. Принцип основных пяти видов наказаний традиционно сохранялся, однако развивающаяся законодательная система дополнялась и другими санкциями, как более жесткими (преступников варили в котле, вырывали у них ребра, сверлили головы), так и носящими символический характер, когда отрезание ноги заменялось покраской тушью колена, смертная казнь – ношением холщовой рубахи и пр. Общество тем самым пыталось перевоспитать преступника, выставляя его на всеобщее осуждение и презрение.

Отличалось своеобразием в Древнем Китае и регулирование брачно-семейных отношений. Так, в книге V Ли цзы были закреплены своеобразные нижний и верхний пределы брачного возраста: для мужчин с 16 до 30, для женщин с 14 до 20 лет, фиксировавшие как бы пределы терпения и сдерживания гнева предков на неблагодарного и непочтительного потомка. С целью соблюдения этой нормы особый чиновник составлял списки мужчин и женщин, достигших предельного возраста, и наблюдал, чтобы мужчины, достигшие 30 лет, брали себе в жены девиц, которым исполнилось 20 лет [14; 15].

В источниках Афинского права, являющегося наиболее развитой правовой системой в Древней Греции, были уже в то время отражены вопросы имущественного, семейного, наследственного и уголовного права. Так, Афинское гражданство давалось с совершеннолетием, которым считалось достижение

18-летнего возраста. В течение двух последующих лет гражданин проходил военное обучение. С 20 лет он получал право участвовать в работе народного собрания [15; 16].

Рассматривая важнейшие памятники права Древнего Востока, хотелось бы обратить внимание на Законы Хаммурапи, которые, наряду с нормами гражданского, уголовного и процессуального права, содержали указания о регулировании брачно-семейных отношений, носящих патриархальный характер.

В Законнике Хаммурапи была сформулирована основная цель уголовной политики вавилонского государства: «Искоренить зло, преступников, безбожников и злодеев».

Из содержания Законника прекрасно видна доминирующая роль и беспрекословная власть отца семейства, а также степень ответственности за несоблюдение этого: «Если сын ударит своего отца, то ему должно отрезать пальцы» [17, с. 21]. Вместе с тем законодатель четко прописывает отдельные положения, позволяющие судить о защищенности молодого поколения. В частности, «... Если человек намерится изгнать своего сына и скажет судьям: «Я изгоню моего сына», то судьи должны исследовать его дело, и если сын не совершил тяжкого греха, достаточного для лишения наследства, то отец не может лишить его наследства... Если он совершил по отношению к отцу тяжкий грех, достаточный для лишения его наследства, они должны на первый раз простить его...» [17, с. 19].

Особое место занимают Законы XII таблиц, которые были выработаны в середине V века до н.э. (451 – 450) и стали первоосновой римского права. Зная закон с раннего детства, римские граждане, опасаясь вызвать гнев богов, старались его не нарушать. Об отношении к молодому поколению можно судить по отдельным, закрепленным в положениях закона, элементам, например:

- брак был видом особой сделки (путем покупки невесты с соблюдением обряда манципации). Брачный возраст устанавливался для девочек – 12 лет, для юношей – 14;

- при браке «кум ману» семейные отношения характеризуются неограниченной властью домовладыки. Имущественная правоспособность наступала для римского гражданина позже политической (право участвовать в выборах) – не ранее смерти отца. Единственная возможность для освобождения сына при жизни отца – через трехкратную продажу в рабство. По отношению к своей семье он становился когнатом, не имеющим права на наследство, как и его дети, и внуки.

Несовершеннолетие, согласно Таблице VIII, являлось поводом для смягчения наказания; так, «по XII таблицам смертным грехом было потравить или сжать в ночное время урожай с обработанного плугом поля. XII таблиц предписывали такого обреченного богине Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего виновного в подобном преступлении по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причиненного вреда в двойном размере» [17, с. 52].

Самым выдающимся памятником систематизации римского права является кодекс императора Юстиниана (529 г.), объединивший разные ветви римского права (цивильное и право народов). Цель кодекса сводилась к созданию системы норм римского права, призванной регулировать не только отживающие рабовладельческие, но и новые зарождающиеся феодальные отношения.

Прописанные в кодексе нормы позволяют судить о том, что, по сравнению с ранее действовавшими законами, ограничивалась власть отца над детьми; так, например: сын получал свободу, если отец совершал уголовное преступление; сын обладал имущественной правоспособностью, однако «господин, не достигший двадцатилетнего возраста, для отпуска на свободу раба должен был получить особое разрешение властей». Кодекс Юстиниана определял, что родство по мужской и женской линии давало равные права на наследство, агнаты не имели преимуществ перед когнатами, мужчины – перед женщинами [6; 16].

Характеризуя памятники славянского феодального права в странах Восточной Европы, необходимо отметить, что, приняв христианство, славянские государства Восточной Европы включили себя в круг византийских культурных и правовых влияний. В 1349 году в г. Скопле (Сербия) на соборе феодальной знати был принят «Законник Стефана Душана», который в традициях того времени предусматривал: «Кто окажется убившим отца или мать или брата или дитя свое, да будет такой убийца сожжен на огне» [17, с. 149].

В XIII веке в Польше возник первый писанный свод правовых обычаев «Польская правда», в отдельных положениях которого отражены такие участники правоотношений, как «девица», «сын», т.е. в сущности лица молодежного возраста. Например, в статье XVII предусмотрено: «кто изнасилует девицу или похитит против ее воли, тот заплатится штрафом в пятьдесят гривен судье, а девице столько, сколько установит судья за ее поругание...», а также в статье XXI предписывается: «Если умрет рыцарь, имеющий сына или несколько сыновей, получающих его наследство, тогда они должны свою мать оставлять в том владении, каким обладала раньше, пока она пожелает оставаться вдовой...» [17, с. 142].

В указанных источниках были отражены и иные элементы имущественного, семейного, наследственного, уголовного права и др., соответствующие традициям и обычаям того времени и направленные на защиту интересов правящего класса.

Безусловно, заслуживают внимания и отдельные источники феодального права в странах Западной Европы. Так, в Германии был разработан и в 1532 году утвержден рейхстагом свод законов, назван-

ный в честь императора «Каролиной». Из 219 статей Кодекса 142 статьи посвящены уголовному процессу, остальные – уголовному праву. Составители «Каролины» руководствовались принципом устрашения. Процесс носил инквизиционный характер. Пытка считалась дозволенным способом получения признаний у обвиняемого. Жестокость наказаний была необычной даже для эпохи средневековья. В наказаниях преобладала квалифицированная казнь: колесование, четвертование, сожжение, утопление и др., но при этом при назначении наказания учитывался возраст: «Если вор или воровка будут в возрасте менее четырнадцати лет, то они независимо от каких-либо оснований не могут быть осуждены на смертную казнь, а должны быть подвергнуты вышеупомянутым телесным наказаниям по усмотрению (суда) и должны дать вечную клятву...» [17, с. 117].

Позднее, в начале XIX века, довольно развитое на то время Французское законодательство указывает конкретные возрастные границы участников гражданских правоотношений, и, несмотря на существовавшие определенные противоречия, мы можем судить о положении молодежи того времени. Так, Гражданский кодекс 1804 года в титуле V «О браке» предусматривает: «мужчина до достижения полных 18 лет, женщина до достижения полных 15 лет не могут заключить брака», однако «сын, которому не исполнилось 25 лет, дочь, которая не достигла 21 года, не могут заключить брак без согласия их отца и матери; в случае разногласия достаточно согласия отца». При этом согласно титулу X: «Несовершеннолетним является лицо того или другого пола, которое еще не достигло 21 года». Заслуживающим особого внимания является элемент законодательного закрепления отношения детей к родителям, в титуле IX отмечается, что «дети, во всяком возрасте должны оказывать своим отцу и матери почтение и уважение» [17, с. 281 – 282].

В середине XI века появляется первый свод древнерусского права – Русская правда. Нормативный акт был построен по принципу казуистичности, законодатель стремился предусмотреть все возможные жизненные ситуации и отражал нормы обязательственного, наследственного, уголовного права, а также судебный процесс и систему наказаний. Однако в связи с тем, что возрастной ценз ни для субъектов преступления, ни для участников других регулируемых Русской правдой отношений не устанавливался, довольно сложно судить о защищенности молодых людей того времени.

В более поздних источниках русского права – Судебниках 1497 и 1550 годов – под преступлением понималось «лихое дело», направленное против государства или отдельной личности, а одним из смягчающих обстоятельств был «малый возраст», при этом необходимое количество лет не уточнялось. Из содержания Судебников также не ясен «установленный возраст» субъекта гражданского права, одно из необходимых требований, которому лицо должно было удовлетворять.

В 1649 году впервые была предпринята попытка создать свод всех действующих правовых актов, результатом которой стал первый в истории России систематизированный, напечатанный закон – Соборное Уложение. В главе 14 Уложения излагались требования, которые предъявлялись к субъектам гражданского права: пол, возраст, социальное и имущественное положение. Возрастной ценз определялся в 15 – 20 лет: с 15-летнего возраста дети служивых людей могли наследовать поместья, с этого же возраста у субъектов возникало право самостоятельного принятия на себя кабальных обязательств. За родителями сохранялось право записывать своих детей в кабальное холопство при достижении последними 15-летнего возраста. 20-летний возраст требовался для приобретения права принимать крестное целование (присягу) на суде.

В семейном праве продолжали действовать принципы домостроя – главенство мужа над женой и детьми, фактическая общность имущества и т.д. Юридически значимым признавался лишь церковный брак. Брачный возраст для мужчин – 15 лет, для женщин – 12 лет. На заключение брака требовалось согласие родителей, а для крепостных крестьян – согласие господина. Юридический статус мужа определял юридический статус жены. Закон обязывал жену следовать за мужем – на поселение, в изгнание, при переезде. В отношении детей отец сохранял права главы: он мог, когда ребенок достигал 15 лет, отдать его «в люди», «в услужение» или на работу. Отец мог наказывать детей, но не чрезмерно. За убийство ребенка грозило тюремное заключение (но не смертная казнь, как за убийство постороннего человека).

В более поздних нормативных источниках присутствуют элементы конкретизации возраста участников как судебного процесса, так и других правоотношений. Однако различные варианты возрастных границ, встречающиеся нам, позволяют сделать вывод об отсутствии единого подхода в этом вопросе.

В соответствии с положениями Указа о единонаследии 1914 года для наследников недвижимости совершеннолетие наступало в 20 лет, для наследников движимого имущества – в 18 лет, для женщин – в 17 лет. При этом для недорослей от 17 до 21 года могло устанавливаться попечительство.

Так, в Кратком изображении процессов или судебных тяжб (1716 г.) указано, что недоросли (лица, не достигшие 15-летнего возраста) не подвергались пыткам, они же считались и негодными свидетелями.

Согласно Уголовному уложению (1903 г.), субъектом преступления было лицо, достигшее десятилетнего возраста (вменяемое и физическое), при этом предусматривались ситуации «уменьшенной» вменяемости, относящейся к лицам в возрасте от десяти до семнадцати лет [18].

Зарождение права на территории нынешней Беларуси историки связывают с периодом образования и становления Великого княжества Литовского (конец XII – XV в.). В это время на первом, «привилейном», этапе правовой обычай как основной источник феодального права того времени вытесняется нормативным актом (договор, грамота, постановление сейма).

На втором, «статутовом», этапе (XVI в.) появляются первые крупные памятники права – Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов. По своей структуре и содержанию они могут быть отнесены к своду действующего права государства, а наличие подобных нормативных актов свидетельствует о высоком развитии в нем правовой мысли, культуры и образования.

Уже в Статуте 1529 года вводятся принципы «ответственности всех только по закону и только по суду». Исходя из содержания Статута 1529 года дееспособность наступала для девушек с 15, а для юношей с 18 лет: «А то ест лета дорослые: младенцу осмадцат лет, а девце пятнадцат лет» [19, с. 438]. При этом для отправления на войну достаточно было достичь 17-летнего возраста: «Пак ли бы хто был здоров а мел сына, который ся от него не отделил, ани тэж служить у двора нашего господарского, а будет тому от семнадцати лет, он может за отца на войну ехать...» [19 с. 440]. Об отношении к родителям можно судить по законодательному закреплению наказания за их убийство: «устанавливаем тэж, коли бы хто отца своего роженного або матку забил, тот горло и честь свою тратить» [19 с. 453].

В Статуте 1566 года впервые прописан возраст (14 лет), с которого наступала уголовная ответственность: «если бы се трафило, иж бы шляхтич в летех чотырнадцати и не больш обвинен о злодейство, або приведен был о злодейство з лицом перед вриад, тогды таковому про молодость лет его не маеть быти поличоно за злодейство, и не маеть быти до ката в руки и на муку даван...» [19 с. 536]. Достижение восемнадцатилетнего возраста необходимо было для выполнения воинского долга.

Представляет особый интерес Статут 1588 года, который с некоторыми незначительными изменениями и дополнениями оставался основным источником права в Беларуси не только в эпоху Речи Посполитой, но и во времена нахождения Беларуси в составе Российской империи (конец XVIII – начало XX в.), так как царское правительство в 1796 году вынуждено было пойти на уступки белорусскому дворянству – шляхте – и восстановить действие Статута [20]. По Стутуту 1588 года уголовная ответственность наступает с 16 лет: «если бы ся трафило, ижбы шляхтич в летех шестнадцати, а не больш, обвинень о злодейство або приведенъ былъ з лицомъ, тогды таковому про молодость л[е]тъ его не маеть быти поличоно за злодейство и не маеть быти до ката в руки и на муку даван» [19 с. 684 – 685]. Наступление же совершеннолетия для мужчин, как и в предыдущих редакциях, осталось с 18 лет, а для девушек уже с 13 лет: «...таковые дети, летъ не дорослые, мають быти под справою и опатрностью опекуновъ, от родичов назначоныхъ albo прироженоных, albo теж приданыхъ до летъ зуполныхъ. А лета муцизна маеть мети зуполные осмадцать летъ, а девка тринадцать летъ» [19 с. 628].

Заключение. Проведенный ретроспективный анализ развития теоретических воззрений и законодательства позволяет сделать вывод о том, что основным элементом общесоциального предупреждения преступности среди молодежи являлось воспитание. В воспитательном процессе основная роль отводилась формированию образованной, духовно обогащенной личности, являющейся носителем обычаев и традиций старшего поколения и оказывающей уважительное отношение и преданность государству, правящему классу, религии и родителям. Основным очагом воспитания и обучения являлась семья, в связи с чем акцентировалось внимание на подготовленности родителей к воспитанию детей. В памятниках права и более поздних законодательных актах рассматриваемого исторического периода отсутствует прямое отражение проблем преступности среди молодежи. Тем не менее в отдельных источниках права встречаются элементы конкретизации возраста участников как судебного процесса, так и других правоотношений, однако различные варианты возрастных границ свидетельствуют об отсутствии единого подхода в этом вопросе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология и профилактика преступлений. Общ. часть: курс лекций / О.П. Колченогова [и др.]; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2012. – 231 с.
2. Курс советской криминологии: в 2 т.; под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юрид. лит., 1985. – Т. 1: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. – 415 с.
3. История философии: энцикл. / сост. А.А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис: Книж. дом, 2002. – 1374 с.
4. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен: в 2 ч. / сост. Л.Н. Модзалевский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1874. – Ч. 1. – 604 с.
5. Джуринский, А.Н. История педагогики и образования: учебник для бакалавров / А.Н. Джуринский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 675 с.

6. Орлова, А.П. История социальной педагогики: учеб. пособие для студентов вузов / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Минск: ИВЦ Минфина, 2010. – 383 с.
7. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен: в 2 ч. / сост. Л.Н. Модзалевский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. И.Г. Мартынова, 1877. – Ч. 2. – 536 с.
8. Вольтер, Ф.М. Избранные страницы: философия, гуманитарная пропаганда, история, литературная критика, романы / Ф.М. Вольтер; пер. с фр. Н. Хмельницкой. – СПб.: Изд. АО тип. дела в СПб., 1913. – 202 с.
9. Педагогика: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / Ю.К. Бабанский [и др.]; под ред. Ю.К. Бабанского. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 479 с.
10. Психология и педагогика: учеб. пособие для вузов / Е.А. Кротков [и др.]; под ред. А.А. Радугина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Центр, 2000. – 254 с.
11. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / М.М. Абраменка [і інш.]; рэдкал.: М.А. Лазарук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Нар. асвета, 1985. – 462 с.
12. История социальной педагогики: становление и развитие зарубежной социальной педагогики / В.И. Беляев [и др.]; под ред. В.И. Беляева. – М.: Гардарики, 2003. – 255 с.
13. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. Э.Д. Днепров. – М.: Педагогика, 1989. – 479 с.
14. Всеобщая история государства и права: учебник для студ. вузов / К.И. Батыр [и др.]; отв. ред. К.И. Батыр. – М.: Былина, 1999. – 495 с.
15. История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. / Л.М. Гудошников [и др.]; отв. ред. Н.А. Крашенинникова, О.А. Жидков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – Т. 1: Древний мир и Средние века. – 719 с.
16. История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. / Л.М. Гудошников [и др.]; отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – Т. 2: Современная эпоха. – 815 с.
17. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / сост. В.Н. Садиков; под ред. З.М. Черниловского. – М.: Гардарики: Теис, 1996. – 413 с.
18. Исаев, И.А. История государства и права России: учеб. пособие / И.А. Исаев. – М.: Юристъ, 2002. – 334 с.
19. Вялікае княства Літоўскае: ВКЛ: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2010. – Т. 3: Дадатак. – 696 с.
20. История государства и права славянских народов: учеб. пособие / авт.-сост. И.Н. Кузнецов. – М.: Новое знание, 2004. – 587 с.

Поступила 18.03.2013

PRECONDITIONS OF FORMATION OF CONCEPT OF GENERAL SOCIAL YOUTH CRIME PREVENTION

Y. SELIATYTSKI

Preconditions of formation of a concept of crime prevention among youth are considered, which is the most important direction of crime prevention. The series of measures of the social level is the basic ground of creation of preconditions for a successful struggle against this antisocial phenomenon. The history of development of theoretical views and the legislation in this area represents special scientific and practical interest.